

Содержание

Предисловие.....	7
Одиночество	13
Один vs одинокий	19
«Субботники благополучия» в общеобразовательной школе.....	25
Реальность одиноких — отсутствие друзей и приятелей	35
Социальное и эмоциональное одиночество	40
Эмоционально одинокие мальчики	51
Чувство непричастности.....	56
«Ничего, если кто-то одинок?» Размышления детей о значении слова «одиночество».....	61
Возможности для измерения одиночества.....	65
Насколько одиночество распространено в среде детей и подростков?	77
А разве не девочки обычно бывают одинокими?.....	87
Тяжелые последствия одиночества	91
Почему от одиночества трудно избавиться.....	96

Одиночество и другие беды	105
<i>Страх перед людьми и социофобия</i>	119
<i>Депрессия</i>	129
<i>Одиночество и физическое здоровье</i>	140
<i>Заразно ли одиночество</i>	143
Откуда берется одиночество	145
<i>Ситуативные факторы</i>	145
<i>Отличие от других и восприятие своей непохожести</i>	147
<i>Социальные и когнитивные навыки, усвоенные и приобретенные</i>	148
<i>Социальная репутация</i>	149
<i>Жестокое обращение или недостаток внимания в детстве</i>	150
<i>Неблагоприятный контекст</i>	152
Передается ли одиночество по наследству?	157
<i>Одиночество вдвое</i>	162
Когда кажется, что все потеряло смысл	165
<i>Крики о помощи</i>	169
<i>Почему помогать должен именно я?</i>	174
<i>Если ты хочешь быть не таким, как «все остальные»</i>	177
Как помочь одиноким	181
<i>Повседневное вмешательство</i>	189
<i>Социальная компетенция</i>	190
<i>Родители как поддержка для одинокого ребенка</i>	197
<i>Совместная ответственность за детей и подростков</i>	208
Чего от нас ожидают одинокие дети и подростки?	217
Литература	227

[<<>](http://kniga.biz.ua)

Одиночество

Одиночество — негативное психическое состояние, когда человек страдает либо от дефицита социальных отношений, либо от их неудовлетворительного качества. Таким образом, одиночество — гнетущее ощущение того, что у тебя нет никого, с кем можно поговорить или кто смог бы, как тебе кажется, понять твои мысли, намерения, чувства и надежды. Одиночество возникает и тогда, когда ты стоишь на школьном дворе в толпе одноклассников, но ощущаешь себя посторонним, неуместным, изолированным от компании. Или когда ты натянуто улыбаешься родственникам на семейном обеде и никак не можешь придумать, что бы им такое рассказать, или не улавливаешь в общей беседе ничего, за что можно было бы уцепиться.

Все, что ты чувствуешь, — острое до ужаса стремление сбежать, желание исчезнуть, оказаться лучше одному дома, чем среди людей, с которыми у тебя нет ничего общего, хотя, казалось бы, должно быть.

«Одиночество — дрянное чувство. Я человек социальный в том смысле, что люблю быть в компании.

Просто я немного стесняюсь. У меня нет друзей, с кем можно поговорить о чем-то важном. Или кому можно было бы позвонить, когда я грущу. Когда мне плохо, то почти всегда приходится справляться с этим одной, из-за чего гораздо труднее переносить мое состояние. Возможно, одиночество усугубило депрессию, и сейчас я людей даже побаиваюсь. Особенно когда встречаемся с родственниками, которых я очень редко вижу: я начинаю бояться, что они думают обо мне всякие гадости».

Суть одиночества — противоречие между желаемым и действительным количеством социальных связей. Оно возникает, когда человек сравнивает свои ожидания с реальной ситуацией. Источник этих надежд и ожиданий — либо опыт ранее существовавших отношений; либо отношения третьих лиц, которые, судя по наблюдениям, являются качественными и естественными или представляются таковыми; либо те модели отношений, которые в целом ценятся в СМИ и обществе и преподносятся как нормальные. Редко в какой мыльной опере, приключенческом фильме, сетевой игре или статье про звезд главный герой проводит время в одиночестве или светится от счастья, когда ему звонят или приглашают встретиться раз в день, а то и вовсе раз в неделю. Иметь меньше трехсот друзей в Facebook уже неловко, а в Twitter подписчики должны исчисляться сотнями. Согласно новейшим исследованиям, круг общения обычных финнов весьма узок — в жизни каждого из нас существует не более пяти–семи человек, с кем мы откровенны и к кому испытываем чувство близости и доверия. С точки зрения молодежи,

привыкшей все время находиться в движении и всегда оставаться на связи, это едва ли кажется хорошим примером для подражания.

Хотя одиночество на протяжении веков было одной из центральных тем как искусства, так и философских и богословских штудий, за научное изучение этого явления взялись достаточно недавно. Пионером стала психоаналитик Фрида Фромм-Райхманн, опубликовавшая в 1959 г. статью в психиатрическом журнале. По мнению Фромм-Райхманн, «подлинное одиночество, которому в качестве психологического явления еще толком не дано определения в профессиональной литературе, — один из существеннейших факторов развития психических расстройств». Британский психолог Джон Боулби, известный своими исследованиями детско-родительской привязанности, развил понятие одиночества и подвел под это явление теоретическую базу, в основе которой лежал так называемый эффект раннего взаимодействия. В свою очередь, эта база послужила опорой для определения, которое американский социолог Роберт Вейс вывел в своей работе, вышедшей в 1973 г. и ставшей «книгой номер один» для исследователей одиночества. Ученый назвал одиночество проблемой взаимодействия между людьми. Согласно Вейсу, у человека есть фундаментальная потребность как в тесной привязанности к другому человеку, так и в общении с приятными или подобными ему людьми. Если эти свойственные нашей человеческой природе потребности не удовлетворяются, мы испытываем ощущение одиночества, которое, по словам Вейса, есть «постоянное гнетущее чувство без надежды на лучшее».

Когда человек, чаще всего не осознавая этого, сопоставляет реальное количество своих отношений с желаемым, он в результате определяет для себя количественный и качественный стандарт отношений — подобно атлету, устанавливающему планку на высоту, которую он, по его мнению, должен покорить.

Если дружеские и товарищеские отношения не достигают желаемого уровня, человек ощущает неудовлетворенность, несостоительность и одиночество. Ему необходимо налаживать и поддерживать отношения, которые по меньшей мере дотягивают до установленного им стандарта как количественно, так и качественно. Под «качеством отношений» я подразумеваю, что «подходящим» на роль приятеля видится субъект, хотя бы в общих чертах соответствующий образу такого друга, которого человеку хотелось бы иметь. Если кандидат не отвечает этим требованиям, то отношений, призванных заполнить пустоту в «ближнем круге», не сложится. Под количественным стандартом, само собой, подразумевается число друзей. «Высококачественный» друг может заменить как минимум десять менее близких знакомых, но в социальных сетях и различных средах общения количество связей становится важным критерием.

Профессор Джеймс Фландерс описывает одиночество как восстановительный механизм, назначение которого — вернуть человека из сиюминутного неблагоприятного состояния на тот уровень существования, где отношения с другими людьми поддерживают его психическое равновесие. Подобным же образом одиночество рассматривается и с точки зрения эволюции. В этом случае одиночество, как считается, работает подобно чувству

голода, жажды или холода, то есть заставляет человека сосредоточиться на поисках того, что у него, по его ощущениям, отсутствует, — в случае одиночества это, соответственно, компания. Фактор, который, по мнению профессора Чикагского университета Джона Качоппо, затрудняет налаживание социальных связей, — это усвоенный одиноким человеком способ интерпретации социальных ситуаций. В качестве примера Качоппо приводит голод в те далекие времена, когда люди жили собирательством и охотой. Чем сильнее был голод, тем больше внимания человек обращал на различные источники пропитания. Однако не всякую пищу можно есть — за долгое время мы натренировались различать, скажем, кислый вкус, являющийся признаком испорченной или ядовитой пищи.

Точно так же, считает Качоппо, действует и одинокий человек — его внимание главным образом приковано к окружающим социальным ситуациям и возможностям общения, но одновременно оно автоматически сосредотачивается на потенциально опасных ситуациях. Одинокие люди могут иметь предельно отрицательный опыт участия в социальной жизни, и тогда они нередко интерпретируют социальные ситуации с точки зрения вероятной опасности или неудачи. Исследования микродвижений глаз показали, что одинокий человек чаще других обращает внимание на негативные, кажущиеся рискованными обстоятельства или на людей, которые не включены в образованные другими социальные группы.

Помимо того что внимание одиноких людей практически полностью обращено на угрожающие ситуации, они начинают бессознательно вспоминать в деталях прошлые

ситуации, которые воспринимались ими как угнетающие. И чем в более негативном ключе мы помним и интерпретируем цели и намерения других людей, тем усерднее мы прячемся в свою скорлупу и действуем таким образом, чтобы уберечь себя от новых опасностей. В свою очередь, такое поведение отталкивает от нас других людей, уменьшает число наших социальных связей и заставляет нас ощутить все более сильное и гнетущее одиночество. Этот замкнутый круг поведенческих реакций не зря называют порочным кругом одиночества.

«Одиночество как отрава, оно с тобой целыми днями — стараешься о нем не думать, но это невозможно. Все твои знакомые перестают с тобой общаться, даже в интернете. И вот ты все время думаешь, что же с тобой не так, в чем загвоздка, почему ты никому не нужен. Ты же хотел, чтобы тебя все слушали, а не подминали под себя. Надо, чтобы тебе звонили и каждый день что-то происходило. Одиночество — это когда ты только мечтаешь обо всем об этом и все время в тоске».

При описании одиночества подчеркивают различные факторы, связанные с этим явлением. Акцент делают на опыт утраты. Считается, что, чтобы страдать от одиночества — от отсутствия друга, — нужно сперва испытать чувство дружбы и взаимной причастности. Только потеряв друга и взаимную причастность, можно понять, насколько это было важным и значимым, и начать тосковать. Есть мнение, что обособленность и одиночество могут быть уделом и человека, не знающего ни дружбы, ни сопричастности. Другие окружающие люди, возможно,

формируют у одинокого представление о том, какие ощущения возникают от хорошей дружбы или общения с компанией приятелей.

В определениях, данных представителями различных отраслей науки в разные времена и в несходных условиях, обычно все-таки присутствуют четыре существенных общих момента:

1. Чувство одиночества есть следствие дефицита социальных связей или их низкого качества.
2. Одиночество всегда является субъективным ощущением; иначе говоря, только сам человек может ощущать, что он одинок. Бывает, что людям никто не нужен, даже если они живут одни, другим нужны все новые и новые социальные связи, хотя, на первый взгляд, круг их друзей и приятелей кажется огромным.
3. Одиночество не зависит от реально существующих социальных связей и физических расстояний — даже будучи с кем-то или находясь в обществе других людей, человек все равно может быть одиноким.
4. Одиночество, в отличие от ситуации, когда человек находится где-то один, всегда является неприятным и гнетущим чувством.

Один vs одинокий

«Одиночество — подавляющее и гнетущее чувство. Оно заставляет меня ощущать, что я совсем не похож на других. Одиночество не всегда связано с тем,

что я действительно один. Оно может быть связано и с ситуациями, когда я в компании или в коллективе. У меня от него возникает ощущение, будто я провалился куда-то в пустыню. В голове только жалость к себе и тоска. Интерес к жизни пропадает, возникает вопрос, что ты вообще делаешь в этом мире. Одноким можно быть где угодно, в магазине например, на работе, в группе на учебе, иногда даже в семье. Особенно в компании я легко начинаю чувствовать, что я аутсайдер, чужак, который туда неходит. Одиночество душит желание жить. И его начинаешь бояться».

Таким образом, быть одноким — совсем не то же самое, что быть одному. Психолог Михай Чиксентмихайи, получивший известность благодаря теории потока, связанной с ощущением счастья и креативностью, пишет, что «пребывание в разлуке с другими создает ощущение одновременно пронизывающее и бодрящее». С этим легко согласиться — пронизывающим пребывание наедине с собой становится, выливвшись в гнетущее одиночество, бодрящим — когда оно необходимо и желанно, комфортно и расслабляюще.

Существование наедине с собой является физической изоляцией, тогда как одиночество — изоляцией психической, отдаленностью от других людей. Обычно эти два состояния идут бок о бок, особенно у детей, но есть и немало людей, которые наслаждаются пребыванием один на один с самим собой. Американский нейропсихолог и известный исследователь одиночества Джон Качоппо после десятилетий научной работы пришел к выводу, что именно недостаток социальных

связей — одиночество — провоцирует у людей развитие заболеваний и увеличивает риск преждевременной смерти, невзирая даже на то, является ли человек «на самом деле», то есть физически, одиноким. Причиной угнетенного состояния и подверженности болезням является, таким образом, чувство, что о тебе никто не беспокоится, никто не хочет проводить с тобой время и быть «на одной частоте», не интересуется тем, как ты себя чувствуешь, и не разделяет с тобой никаких твоих мыслей. Опыт одиночества является очень сильным переживанием.

Эта неполная формула одиночества и пребывания наедине с собой — будучи один, ты необязательно одинок, однако можешь быть одиноким даже тогда, когда ты не один, — создает сложности в распознавании одиночества. Если мы хотим помочь одиноким детям и подросткам, уменьшив риск развития у них социофобии, депрессии или иных нарушений психического здоровья, нам следует знать, кто из детей и подростков нуждается в помощи. Некоторые из них сами придут и расскажут о плохом самочувствии, но значительная часть стыдится и скрывает проблемы до последнего. Не очень-то радует, если придется беспокоиться за всех, кто проводит время сам с собой. В этом случае мы не только повесим ярлык «тревожного симптома» на естественный, необходимый и требующий умения способ времяпрепровождения. Мы оставим без внимания тех действительно одиноких, которые, несмотря на свое угнетенное состояние, стараются быть вместе со всеми и готовы сносить насмешки и оскорбления, лишь бы им позволили оставаться в компании. Или таких, кто надевает маску и изображает в кругу приятелей совсем другого человека, чем он есть

в действительности, — только бы не получить клеймо «одинокого» и не умножить свои мучения.

Разница между людьми, страдающими от одиночества, и людьми, находящими радость в пребывании один на один с собой, яснее проявляется при невербальной, или неречевой, коммуникации, то есть в осанке, мимике, выражении чувств — например, в реакции на прерывание существования наедине с собой или на приглашение присоединиться к компании. Приглашению можно обрадоваться независимо от того, одинок ты или нет; оно может спасти день или даже целую неделю и принести огромное облегчение или стать всего лишь альтернативой другим занятиям, — все определяется тем, как ты его ожидаешь: в одиночестве, угнетенном состоянии, в безнадежности или испытывая удовлетворение собой и жизнью. Эту разницу, возможно, непросто описать, однако, если ощутить ее самому, неважно, в какой роли — приглашающего или приглашенного, впечатление может быть предельно сильным.

«Одиночество, разумеется, жуткое чувство. Оно давило, унижало и угнетало. Я по характеру довольно разговорчивый человек, и мне было очень тяжело от того, что я не мог ни с кем поболтать».

«После того как меня долго дразнили, мне казалось, что я вообще никому не могу нравиться. Если честно, я никому не доверял. Я легко замыкался и боялся сближаться с новыми людьми. Я много думал, что же во мне не так и что мне нужно сделать, чтобы другие меня приняли. Никаких недостатков я в себе не нашел и подумал, что я, наверное, в целом неправильный».

Пентти Саарикоски писал в своей книге «Время в Праге»: «Утром я выехал из Хельсинки, я был один в той степени, которая достаточна, чтобы больше не чувствовать себя одиноким». По-моему, это описание субъективной природы одиночества так восхитительно точно, что я уже многие годы каждую осень цитирую его на вступительной лекции, которую читаю почти пяти сотням студентов, изучающих психологию воспитания. Часть учащихся мгновенно воспринимают многомерность одиночества как явления: «Да, мне тоже иногда кажется, что только тогда, когда я отвяжусь от компании, где я вообще на себя не похож, — это как глоток кислорода — ты совершенно свободен и можешь делать все, что душе угодно, ну вот все, что только захочешь!». Другая часть (к сожалению) вспоминают на экзамене, что жители Хельсинки почему-то гораздо более одиноки, чем пражане. Однако на точность слов Саарикоски это не влияет. Не в «своей» компании одиночество становится с каждой минутой все более удушливым.

Пару лет назад благодаря долгосрочному финансированию я смогла сосредоточиться на изучении одиночества у детей, подростков и целых семей: тогда же — еще более удачно — подоспел годовой отпуск, освободивший меня от обязанностей по руководству исследованиями. Моим первым решением было отправиться одной в Прагу, чтобы писать об одиночестве в тех самых местах, о которых говорил в своей книге Саарикоски. Я как будто хотела проверить, начну ли я ощущать себя одинокой, если уеду и на какое-то время откажусь от своих социальных контактов, или Саарикоски все же был прав в том, что, пребывая наедине с собой, можно быть менее одиноким, чем в привычной среде.

Ощущала ли я одиночество после нескольких недель проживания в мансарде во фривольном богемном пансионе, когда мои дни были заполнены сочинением своих и чтением чужих текстов и бесчисленными цифрами статистических анализов, и когда разницу между днем и ночью можно было определить только по количеству света и прохожих? Если честно, то нет — или, возможно, чуть-чуть, в социальном плане. Уборщицы, приходившие в мою комнату два раза в неделю, приобрели в моих глазах вес, пусть мы и не понимали язык друг друга; спускаясь вниз по бесконечной лестнице, я уже ждала, когда со мной поздороваются работяги в цокольном этаже, а владельцы и работники окрестных кафе, продуктовых лавок и булочных, где по утрам продавали свежий хлеб и кофе, стали для меня людьми, которых запросто можно было назвать приятелями, или по меньшей мере они составили мой круг общения. Эмоционального одиночества я тем не менее не испытывала, люди, действительно для меня значимые, невзирая на расстояние между нами, никуда не делись. Мне было достаточно уже одного только знания, что я вернусь домой, где мои самые родные люди и дорогие друзья встретят меня точно такими же, какими были в момент расставания. Иногда я скучала, но это совсем иное чувство, нежели одиночество. Одиночество угнетает и причиняет боль. Иногда нужно просто выбраться поработать в Прагу.

Социальное и эмоциональное одиночество представляют собой опыт различного характера, поводы для того, чтобы их ощущать, могут быть также очень разными, и то, какой род одиночества воспринимается более остро, может зависеть от ситуации и собственных

ожиданий. Различия есть и в длительности воздействия того и другого рода одиночества. Совсем скоро мы вернемся к этому. Но сначала поговорим о школьниках.

«Субботники благополучия» в общеобразовательной школе

В те времена, когда финская система школьного образования показывала отличные результаты в тестировании PISA¹, но при этом финские школьники, особенно мальчики, опускали финскую школу на постыдно низкие позиции международных рейтингов комфортности среди обучения, школу много критиковали за излишний акцент на состязательности и личном результате в ущерб чувству общности. По сравнению с детьми многих других стран, наши школьники обладали великолепными знаниями, однако их социально-эмоциональное самочувствие оставляло желать много лучшего — они одиноки, ощущают себя в изоляции, их дразнят, и никакого удовлетворения от пребывания в школе они не испытывают.

На это отвечали, мол, да что вы, на самом деле детям в школе хорошо, просто у финнов не принято в этом признаваться. Вроде как для финского ребенка любить свою школу — стыдно и «некрутко». Кто-то делал вывод, что

¹ PISA — Programme for International Student Assessment, Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся — тест, который проводится раз в три года с целью оценки грамотности учеников и их умения применять свои знания на практике. В тестировании принимают участие ученики в возрасте 15 лет.

сразу за двумя зайцами — успехом и благополучием — угинаться невозможно. Или дело, или потеха — а ведь финны всегда с серьезным выражением лица пробивались сквозь любые препятствия, вплоть до гранитных скал, как бы мучительно это ни было.

Теперь ситуация некоторым образом изменилась — результаты Финляндии в PISA год от года неуклонно снижаются. В свое время успех обеспечили качественное образование учителей, их высокая рабочая мотивация и великолепное умение учитывать личные особенности ученика, индивидуализируя и адаптируя обучение под учащегося. На снижение результатов повлияло, однако, не общее ухудшение системы образования или качества обучения, как то любят утверждать политики, и, к сожалению, не растущее благополучие учеников. Напротив, причиной считают плохое социально-эмоциональное самочувствие детей и подростков, дурное поведение, неуважение к авторитету, изоляцию от коллектива, отчужденность и безразличие к собственному будущему. То есть представление, будто достигнуть одновременно благополучия и успеха невозможно, было, похоже, неверно — или по крайней мере может получиться так, что мы не достигнем ни того ни другого.

«Одиночество — не личный выбор, а следствие структурных изменений в обществе. Например, в 1998 г. наша любимая общеобразовательная школа стала куда более “подотчетной”, и требования к результатам учеников возросли. Значение школы как воспитательной среды уменьшилось, а направленность обучения на результат, напротив, усилилась. Результаты хороших учеников

еще более улучшились. Но сообщество детей и подростков стало само определять правила поведения. Дабы понять, что это означает, не обязательно перечитывать голдинговского “Повелителя мух”. Поддержка состязательности — вызов равноправию, нормам общности и чувству справедливости. Атмосферу общности вокруг школы необходимо укреплять, потому что общественная поддержка школы уже потеряна. Школьный коллектив управляет инструментами контроля».

К счастью, факт плохого самочувствия школьников не остался без внимания. В последние годы в закон о школьном образовании и сопутствующие постановления, в основы программы школьного образования, в практику специализированного обучения и другие многочисленные программы и инструкции, касающиеся общеобразовательной школы, были внесены дополнения, связанные с социально-эмоциональным самочувствием учеников. Воспитание не может заключаться только в стремлении к новым знаниям и навыкам, оно должно быть также процессом переживания, когда человек находит общий язык с различным окружением и, что важнее всего, с самим собой. Если человек сам себя не устраивает и не может взаимодействовать с собой, ему крайне сложно взаимодействовать с другими. Разнообразные правила в отношении детей и молодежи все больше учитывают фактор психического здоровья и его разнообразных составляющих. И это здорово.

«В детстве я был довольно одинок. Наверное, как-то очень сильно отличался от сверстников. Я научился

читать в 4 года, и меня интересовали в числе прочего космос, история и всякие научные вопросы, а потом, когда я пошел в школу, я увидел непонятных, шумных и несерьезных товарищей. Я считал их странными, а уж они-то и подавно считали меня чудаком.

Я, возможно, и не хотел дружить ни с кем из них, но всегда надеялся, что могу спокойно думать о своем, стоя в сторонке. Но я надеялся зря, потому что на перемене они окружали меня и начинали дразниться. Я даже и не думал огорчаться отсутствию приятелей, расстраивало только то, что от меня никак не отстанут.

Поэтому я желаю, чтобы дисциплина и надзор в школе были жестче. Я считал и до сих пор считаю безнадежным делом уговаривать детей добровольно отказываться от звериных инстинктов, которые заставляют их отвергать непохожих на себя, — у детей еще не настолько развиты эмпатия и контроль поведения, как у взрослых людей, например, в трудовом коллективе. Поэтому я считаю, что раз уж детей приходится объединять в школе в большие группы, то возможности изолировать человека из-за того, что он чем-то выделяется, быть не должно».

Параграф 31 «Постановления об общем школьном образовании» дает определение системе попечительства в отношении учеников¹, использование которой является

¹ Система попечительства в отношении учеников (фин. — *oppilashuolto*) — набор мероприятий и услуг для всесторонней поддержки школьника в учебе и вопросах, связанных со здоровьем и социальным благополучием. На практике эту работу координирует попечительский совет, который

законным правом каждого учащегося в любой учебный день. Система попечительства — это «мероприятия, направленные на поддержку качественного обучения, хорошего психического и физического здоровья и социального благополучия, а также роста способствующих этому предпосылок». Отлично.

Обновленный «Закон о системе попечительства в отношении учеников», вступивший в силу в августе 2014 г., еще более жестко определяет роль школы в поддержке благополучия ученика, внимании к нему и раннем вмешательстве. Цели закона являются следующими:

- 1) способствовать процессу обучения, сохранению здоровья и благополучия ученика, его социальной активности и профилактике проблем;
- 2) способствовать благополучию, поддержанию здоровой и безопасной обстановки в учебных коллективах и педагогической среде, беспрепятственному доступу, коллективной деятельности и сотрудничеству между семьей учащегося и его учебным заведением;
- 3) обеспечивать раннюю поддержку тем, кто в ней нуждается;
- 4) обеспечивать равноправный доступ учащихся к попечительским услугам и высокое качество данных услуг;
- 5) укреплять реализацию и координацию попечительских услуг как системы мероприятий и формы межпрофессионального сотрудничества.

состоит из работающих в школе профессионалов разного профиля. Обычно туда входят директор школы, школьная медсестра, школьный психолог и школьный куратор (социальный работник).

Несколько лет назад по просьбе Министерства образования Финляндии мы составили отчет о том, как люди, ответственные за принятие политических решений, организаторы обучения, директора, преподаватели, родители и сами ученики видят ситуацию со школьным образованием и мероприятиями, необходимые для его усовершенствования.

Один из самых существенных вопросов состоял в том, как развивать школьное образование, чтобы оно успешнее решало те задачи, что ставит перед детьми и подростками день сегодняшний.

Мало кто из опрошенных высказался в пользу увеличения объема учебных материалов, количества информации или же поддержки соревновательного духа. Никто не считал важным, чтобы наши дети и подростки получали больше знаний об исторических трудах и событиях, главных вопросах вселенной (если, конечно, одиночество, чувство подавленности и постоянное плохое самочувствие не относятся к таковым) и ранних этапах эволюции. Против всяких ожиданий респонденты были убеждены, что следует уделять больше внимания благополучию учеников, их житейским навыкам, социальным связям, умению общаться и другим подобным «несерьезным» вещам. Ниже я приведу в качестве примера несколько цитат, описывающих те знания и навыки, которые, по мнению различных респондентов, окажутся необходимы школьникам в будущем.

- **Организаторы образовательного процесса** (например, руководители муниципальных комитетов школьного образования и просвещения): «Навыки